

8. Tuchman B. *Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945*. N.Y., Macmillan, 1971. XV, 621 p.
9. Lohbec D. *Patrick J. Hurley*. Chi., Henry Regnery, 1956. 530 p.
10. Forman G. *V novom Kitae. Reportazh* [In the New China. Report]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literaturi, 1948. 232 p.
11. Davies J. *Dragon by the Tail. American, British, Japanese, and Russian Encounter with China and One Another*. N.Y., Norton, 1972. 448 p.
12. Stilwell G. *The Stilwell Papers*. Arranged and Edited by Theodore H. White. N.Y., William Sloane, 1948. XVI, 357 p.
13. Service J. *The Amerasia Papers: Some Problems in the History of U.S.–China Relations*. Berkley, University of California Press, 1971. 220 p.
14. Buhite R. *Patrick J. Hurley and the American Foreign Policy*. Ithaca, Cornell University Press, 1973. XIV, 342.
15. Wedemeyer A. *Wedemeyer Reports!* N.Y., Henry Holt, 1958. 497 p.

УДК 94(430)01

АЛАРИХ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: В ПОИСКАХ МЕСТА В ИМПЕРИИ (399–402 гг.)

Д.С. Коньков

Томский государственный университет

E-mail: dkonkov@mail.ru

Рассмотрены события 400–402 гг. в Римской империи, связанные с именем предводителя готских воинских формирований Алариха. Данные источников и основные позиции исследователей, касающиеся данного периода, проанализированы с точки зрения взаимодействия римского и варварского социумов, поиска своего места варварами в империи. Столкновение интересов различных политических фракций римской элиты затрудняло адаптацию варваров в имперскую структуру на социальном и ментальном уровне, поскольку делало для них официальный идеологический и логистический дискурс непредсказуемо изменчивым и непоследовательным. Аларих попытался действовать параллельно в римском и варварском дискурсивном пространстве, манипулируя ими в собственных интересах. Однако в полной мере реализовать эту стратегию ему не удалось. Это объясняет противоречивость тренда интеграции варваров в имперскую структуру.

Ключевые слова:

Интегративные общественные процессы, готы, варвары, федераты, Восточная Римская империя, Западная Римская империя, Стилихон, Аларих.

Рубеж IV–V вв. в истории отношений Римской империи и варваров был исключительно интересным периодом. После Адрианопольской битвы прошло более двадцати лет. Сменились поколения – и среди константинопольской элиты, и среди предводителей, расселенных в балканских провинциях варварских группировок. Соответственно, и римляне, и варвары достигли определенного уровня взаимной адаптации; римская аристократия была вынуждена признать факт присутствия варваров в рядах военного командования, варвары, в свою очередь, были вынуждены смириться с реалиями жизни внутри имперской системы и иерархии. Из двух принципиально различных общественных и культурных структур начинала формироваться одна.

В этом смысле рассмотрение проблемы отношений варваров и римлян в рамках поздней Римской империи дает возможность ответить на более общий и концептуальный вопрос особенностей интегративных процессов в условиях мультикультурного общества, остро стоящий в современной России, ЕС, США. Действительно, политика глобализации и поощрения социальной мобильности, помимо очевидных экономических и социальных плюсов, поставила перед современной наукой множество вопросов относительно возможности культурного и исторического взаимодействия различных по мировоззрению народов. Проблемы инте-

грации мигрантов в эндогенный социум являются по сути вневременными, поэтому развертывание подобной ситуации в Римской империи представляет актуальный интерес.

В создании оптимального алгоритма взаимодействия варваров и римлян в IV–V вв. были заинтересованы обе стороны. Однако понимание приоритетов в этом взаимодействии, видение статусных позиций, функций и целей сторон зачастую оказывалось различным. Соответственно, достигавшийся время от времени консенсуальный баланс редко был долговечным. Последнее происходило, как это ни парадоксально звучит, не по вине варваров. Устойчивый образ варварских группировок как немотивированных агрессоров, бунтарей по природе, вполне сознательно создан римской историографией и представляет собой стереотипный идеологический конструкт. Несмотря на действительно резкие и воинственные выпады представителей варваров-федератов, реальные причины случившихся кризисов были связаны с неспровоцированными изменениями в политике имперского двора. В свою очередь, эти изменения были следствием борьбы имперских элит, отношения с варварами использовались в ней как отдельный и далеко не ведущий элемент. В статье, опубликованной ранее [1], рассматривался характерный случай для ситуации конца IV в. в Восточной Римской империи: конфликт между константино-

польской элитой и варварским полководцем, не сумевшим сориентироваться и адаптироваться к идеологическим и политическим реалиям империи – Гайной. Исход этого конфликта, известного под названием «восстание Гайны», представляется показательным: победа Гайны и удовлетворение его требований обернулась для него поражением, в равной степени и политическим, и личностным. Однако пример Гайны является реализацией лишь одной из возможных стратегий взаимодействия варваров и римлян; другие варварские полководцы в той же ситуации предпочли иное поведение. Проблема видится в том, получили ли они в итоге иные результаты.

На рубеже IV–V вв. источники упоминают трех крупных полководцев *magistri militum* восточной империи готского происхождения – Алариха, Гайну и Фравитту. Учитывая, что это было первое поколение готов, выросших на территории империи, такой карьерный рост и вес представляются исключительно быстрыми. Этого не могло бы произойти в случае доминирования антиварварских настроений при константинопольском дворе. Для противостояния одному генералу-варвару был использован другой; войска Гайны захватили Константинополь, армия Фравитты выступила на защиту. По сути, в 399–401 гг. непосредственные столкновения происходили между двумя готскими командующими, каждый из которых пытался осуществить свое понимание стратегии успешности.

Однако заметно, что из треугольника Аларих–Гайна–Фравитта был исключен первый и самый беспокойный его член. Вопросом о том, почему Аларих никак не проявил себя в восстании Гайны, задается Т.С. Бернс. Действительно, представляется маловероятным, чтобы Аларих, всегда живо реагировавший на события в Константинополе и, если буквально понимать Синезия, даже периодически посещавший сенат [2; 3. Р. 118], остался индифферентным к восстаниям Трибигильда и Гайны и к отставке министра Евтропия, с которым ранее заключал договор. Кроме того, в распоряжении Алариха были войска, готовые и боеспособные именно тогда, когда в них нуждались и император, и Гайна. Однако ни тот, ни другой не обратились к Алариху за помощью. Иллирийский *magister militum* оказался изолирован от всей системы отношений вокруг власти в Константинополе. Император Аркадий предпочел вызвать восточную армию Фравитты, что было связано с большими трудностями, чем помощь со стороны Алариха. Значимость Алариха и его войск для империи нельзя недооценивать. Отказ императора от его помощи был осознанным. Возможно, император опасался, что призвание Алариха обернется заменой одного узурпатора другим, еще худшим. Учитывая прошлый опыт, для таких опасений были основания.

В свою очередь, и Аларих мог проявить инициативу, вмешаться в пертурбации в столице, рассчитывая укрепить свои позиции и получить новые выгоды, как уже поступал ранее. В свете сме-

щения Евтропия такая возможность становилась очень вероятной, поскольку договор Алариха заключал именно с ним, и казнь Евтропия означала его фактическую денонсацию. Тем не менее, Аларих предпочел нейтральную позицию. Как считает Т.С. Бернс, это было обусловлено не его собственными мотивами, а сложным комплексом отношений константинопольских элит с лидером Западной империи Стилихоном, стремившимся к контролю над обеими половинами империи [4. Р. 176]. Стилихон планировал завоевание Иллирии, для чего, по словам Зосима, вступил в соглашение с Аларихом, и только ряд других неотложных дел отвлекли его от реализации этого плана [5. С. 232]. Следует отметить, что Зосим предвзято относится и к Стилихону, и к Алариху; кроме того, возможна контаминация с более поздними событиями, когда действительно было достигнуто соглашение между этими двумя полководцами. В период же восстания Гайны Аларих сохранял лояльность Константинополю и условиям договора с Евтропием, служа буфером между Западом и Востоком. Однако после смены власти в Восточной империи изменились и приоритеты. Т.С. Бернс полагает, что, в отличие от резко антизападной политики Евтропия, и Гайна, и Аврелиан, предводитель заговора против Евтропия в Константинополе, стремились к компромиссному соглашению с Западом ради признания своей легитимности Стилихоном. Таким образом, с точки зрения Аврелиана, войска Алариха оказались не нужны для обороны, а в политическом смысле были опасны и ненадежны.

В свете изменения отношения к Западу и опасений в отношении Алариха последовавшие действия Аврелиана выглядят изящной интригой. Около 400 г. он передал провинцию Иллирия вместе с войсками Алариха Западной империи – в знак примирения и союза. Формально это был исключительно широкий и дружественный жест, но в результате Стилихон получил лишь часть того, на что претендовал. Кроме того, территориальные приобретения были отягощены необходимостью налаживать отношения с Аларихом. Неудивительно, что Стилихон был скорее раздражен такими действиями Аврелиана и так и не признал его консулом. На положение Алариха решение Константинополя также повлияло не лучшим образом, поскольку Восточная империя в результате отказалась от любых обязательств по отношению к нему, а Западная не стремилась подобные обязательства принимать. Для империи Аларих и его войско из уважаемых и ценных воинов превратились в обременительных изгоев.

Т.С. Бернс представляет Алариха и его войско как неожиданно оказавшихся в маргинальной ситуации воинов, лишенных любого официального статуса в империи и, следовательно, средств к существованию; римское правительство отказалось от них и на Востоке, и на Западе. Неспособные обеспечить себя необходимым, готы обратились к варианту похода на Запад, который из Иллирии

было осуществить значительно проще, чем на Востоке. Т.С. Бернс считает, что Аларих стремился лишь к восстановлению своего статуса в римской иерархии, ориентируясь в имперской ситуации и выбрав наиболее подходящее время, чтобы торговаться об условиях с самой выгодной позиции. Действительно, модель поведения Алариха была идентична его образу действий шестилетней давности по отношению к Константинополю, когда он добивался возжеленного поста *magister militum*. Получив его, Аларих спокойно исполнял свои обязанности вплоть до отказа Константинополя от своих обязательств. Маловероятно, чтобы цели Алариха по отношению к Западу принципиально отличались от целей по отношению к Востоку [4. Р. 179]. Однако существуют и иные предположения о побудительных мотивах Алариха.

Если признать свидетельство Зосима о договоре со Стилихоном соответствующим действительности, то он, видимо, был предварительным и Алариха не устраивал. Аларих ждал до 401 г. прежде, чем использовал уже испытанную тактику – отправился в поход с целью добиться наилучших условий. Возможно, он выжидал возможность сыграть роль в противостоянии Гайны и Фравитты и получить от этого какие-либо выгоды от Константинополя [4. Р. 178], но такого случая не представилось. Часть исследователей полагает, что Аларих двинулся в поход на Италию в 401 г. в результате радикального изменения отношения к варварам после подавления восстания Гайны. В это время в правительстве возобладали антиварварская партия и Константинополь стал избавляться от готов на военной службе [6. С. 217; 7. Р. 146; 8. Р. 170]. Однако ряд историков, напротив, считает, что восточное правительство целенаправленно подталкивало Алариха к войне со Стилихоном в собственных интересах [9. Р. 120; 10. Р. 85].

А. Камерон отвергает и первое, и второе предположение, показывая, что в этот период отношения между Востоком и Западом потеплели, восточные консулы признавались в Медиолане, что было редким явлением [3. Р. 333]. В то же время резня готов в столице имела отношение к узурпации Гайны, но не к готам вообще; рекрутирование новобранцев среди них продолжалось, значительная часть готских семей пережило бурные времена, и их далее никто не тревожил, Фравитта оставался верховным военачальником Востока вплоть до 404–405 гг., когда неосторожно сделал своим личным врагом Иоанна Златоуста [3. Р. 252, 333]. Исследователь склонен подчеркивать в решении Алариха идти на Запад роль гуннов, постепенно занимавших все большее место в жизни восточной империи и являвшихся давним кошмаром для готов. Подобное же предположение высказывает и Х. Вольфрам [6. С. 217; 3. Р. 330–332].

Необходимо отметить, что при всем разнообразии мнений о мотивах Алариха, единственный источник, повествующий о походе 401 г. – Клавдиан, придворный поэт императора Гонория. Ни в од-

ной из исторических хроник об этом походе не упоминается, что говорит о том, что резонанс этих событий был не столь большим или, скорее, их затмили более поздние происшествия, связанные с именем Алариха. Клавдиан, тем не менее, риторически превозносит поход Алариха как угрозу самому существованию Рима; он говорит об огромном количестве знамений надвигающейся опасности. Люди взывали к гарусникам и пророческим книгам о судьбе Рима; постоянные лунные затмения объяснялись тем, что фессалийские ведуны, сопровождающие варварское войско, оскверняли лунный свет (*nec credunt vetito fraudatam Sole sororem telluris subeunte globo, sed castra secutas barbara Thessalidas patriis lunare venenis incestare iubar*) [11. Р. 144]. Наконец, на эскорт императора напали два волка, в животах которых нашли еще живые правую и левую руки, что было истолковано как предвестие гибели империи, пусть и сохраняющей свою силу (*sed malus interpretis rerum metus omne trahebat augurium peiore via, truncataque membra nutricemque lupam Romae regnoque minari*) [11. Р. 146]. Являлись ли подобные настроения действительно распространенными в тот период, или же Клавдиан привел этот эпизод как риторическую гиперболу, сказать сложно. Принимая во внимание отсутствие параллельных свидетельств и чрезвычайно панегирический стиль Клавдиана, вероятнее второе.

Впрочем, нет дыма без огня. Аларих и его войско явно мифологизировались и демонизировались в сознании римлян. Следы этого отношения встречаются и у других авторов, в том числе и у христиан – Сократ Схоластик вкладывает в уста Алариха слова о том, что на Рим его каждодневно направлял некий внутренний голос, приказывающий разорить этот город [12]. Клавдиан сознательно способствовал формированию подобного отношения к Алариху, выстраивая свой панегирик на основе драматизации событий и героизации действующих лиц, используя образцы греческих литературных мифов и канон римского ораторского искусства. Ирония судьбы в том, что Клавдиан, усиливая образ Алариха в своих произведениях как антигероя и немезиды Рима, придавая ему отчасти сакральный характер, не предполагал, что окажется в этом пророком, и Аларих действительно разорит Рим – все речи Клавдиана написаны до этого события. Однако если они отражают действительные настроения в римском обществе, и к Алариху существовало особое отношение, следовательно, он еще до своего похода воспринимался как угроза, выделяющаяся на фоне прочих варваров.

Судя по тому, что другие источники не упоминают поход 401 г., он не имел характер крупномасштабного вторжения, действительно способного сокрушить Рим. Т.С. Бернс предполагает, что в распоряжении Алариха был сравнительно небольшой отряд [4. Р. 180]. Орозий говорит о том, что Аларих со своими людьми не только не планиро-

вал нашествия, но и, напротив, смиренно просил мирный договор у Стилихона, и тот обещал ему поддержку, однако в своих собственных интересах договор так и не заключил, сохраняя готов Алариха как средство давления на правительство [13. С. 498]. Но как Клавдиан склонен безмерно превозносить Стилихона, так и Орозий целенаправленно его очерняет. Еще дальше в этом направлении идет Флосторгий, утверждая, что Стилихон сознательно пригласил Алариха в Италию, открыв для него проход в Альпах, чтобы опираться на готов в своей борьбе за трон [14. С. 249].

Клавдиан говорит о предательстве, вероломности этого вторжения готов (*si perfida nacti penetrabile tempus inrupere Getae* [11. Р. 146]), из чего следует, что какое-то соглашение между Аларихом и Западной империей действительно существовало. В таком случае, это соглашение перестало устраивать Алариха. Можно предположить, что он действительно обращался к Стилихону с предложением заключить новый *foedus*, и для того, чтобы выторговать наиболее выгодные условия, в 402 г. осадил Медиолан, как в свое время Константинополь. Момент был выбран осознанно. Стилихон с армией отсутствовал, в Италии не было войск, чтобы противостоять требованиям Алариха.

Император Гонорий, испуганный появлением агрессивной настроенной армии, перенес постоянную резиденцию в Равенну. Стилихон поспешно возвратился с минимальным количеством войск и провизии [11. Р. 150]. Клавдиан говорит о том, что Стилихон не решился с таким небольшим числом людей на прямую атаку (*pergumpet agmen? sed paucis comitatus erat*) [11. Р. 108]. Однако уже это заставило Алариха уйти от Медиолана. Несмотря на страх, который римляне испытывали перед ним, если верить речам Клавдиана, сам Аларих, вероятно, опасался римлян не меньше. Х. Вольфрам отмечает нерешительность его действий в этот период: дорога на Рим была открыта, однако Аларих не был в настроении или в состоянии начинать подобный поход [6. С. 219]. Это подтверждает, что целью Алариха было обратить на себя внимание имперской элиты, договориться, занять достойное место в Западной империи, такое же, как в свое время в Восточной.

Однако Стилихон не собирался идти на поводу у Алариха. Ему удалось собрать войска и сразиться с готами при Полленции. Исход битвы не был решающим ни для одной стороны, несмотря на восторженное описание Клавдиана. Вереницы пленных, разнообразные сокровища, даже жена Алариха – все это досталось римлянам [11. Р. 172]. Однако сам Аларих сохранил жизнь благодаря давлению обстоятельств, как смутно выразился Клавдиан (*concessaque sibi (rerum sic admonet usus) luce*) [11. Р. 84]. Х. Вольфрам предполагает, что в этих словах Клавдиана отражена попытка защитить Стилихона от обвинений в бездарности и предательстве [6. С. 219]. Существование подобных обвинений можно заметить у Орозия, который раздраженно говорит об Аларихе как о постоянно

терпящем поражения, но из раза в раз отпускаемом на свободу [13. С. 498], явно обращая этот намек в адрес Стилихона. На самом деле, очевидно, Аларих сохранил не только жизнь, но и значительную часть армии.

В результате битвы было заключено соглашение (*rursus dum pacta movet*) [11. Р. 88], хотя стоит отметить, что Клавдиан использовал не традиционный термин *foedus*, а *pactum*, – то есть не федератский договор, а именно соглашение, имеющее скорее сиюминутный характер. М. Куликовски полагает, что это было перемирие, по которому Аларих лишь должен был уйти из Италии – на большее Стилихон не рассчитывал, поскольку либо хотел сохранить силы Алариха для своих собственных нужд, либо не имел достаточно возможностей разгромить его окончательно [8. Р. 170].

Однако вскоре у Вероны состоялась еще одна битва, мотивы которой не совсем ясны. Клавдиан утверждает, что в ней Аларих безуспешно пытался переломить свою судьбу, взять реванш (*extremo mutare parat praesentia casu, nil sibi periculum sensit prodesse furorem converti nec fata loco*) [11. Р. 90]. Х. Вольфрам выдвигает ряд более рациональных предположений о мотивах варварского полководца: Аларих пытался уйти в Галлию, или в очередной раз давил на имперское правительство, или был спровоцирован Стилихоном. Действительно, большее внимание исследователей в этой ситуации привлекает противоречивая фигура Стилихона. Р. Блокли подчеркивает, что тот лишь последовательно загонял готов обратно в Паннонию [9. Р. 120], где они и были ему нужны. П. Хизер, напротив, склоняется к мысли, что Стилихон не имел никаких далеко идущих планов, а лишь сдерживал наступление готов, пока оно само не выдохлось из-за проблем с запасами [7. Р. 146].

Действительно, исход битвы и в этот раз остался неясен – Аларих лишь был вновь блокирован пронациательным Стилихоном [11. Р. 92]. Это укрепило подозрения в скрытых мотивах Стилихона, в его сговоре с Аларихом, направленном на узурпацию власти, что отражено у Флосторгия. Однако Р. Блокли отрицает подобные домыслы как античных, так и современных авторов (к которым, в частности, относится О. Мэнхен-Хелфен, убежденный, что все дальнейшие действия Алариха совершались в соответствии с этим сговором [15. Р. 67]) как необоснованные, и полагает, что Стилихон после кровопролитного сражения при Полленции избрал тактику победы малой кровью, непопулярную среди римлян, чем и вызвал нападки на себя [9. Р. 120]. Х. Вольфрам и П. Хизер также придерживаются мнения, что никакого договора в этот момент заключено не было, а Аларих все еще был отвержен как Востоком, так и Западом [6. С. 220; 7. Р. 146].

Судя по словам Клавдиана, Аларих после битвы при Вероне оказался в плачевной ситуации – от него к римлянам уходили целые отряды (*iamque frequens rarum decerpere transfuga robur cooperat inque dies numerus decrescere castris, nec iam dedit-*

io paucis occulta parari, sed cunei totaeque palam discedere turmae) [11. P. 92, 94]. По всей видимости, это было вызвано чередой поражений Алариха, благодаря которой среди готов распространилось мнение об утрате вождем удачи. Тем не менее, тот же Клавдиан утверждает, что Аларих сохранил достаточно войск, в том числе конницу (non funditus armis concideram; stipatus adhuc equitumque catervis integer ad montes reliquo cum robore cessi, quos Appenninum perhibent) [11. P. 96]. Это подтверждает точку зрения о том, что Стилихон не хотел или был не в состоянии полностью разгромить Алариха. Можно предположить, что он действительно к этому не стремился – но не из-за тайного умысла, а из-за понимания, что отсутствие успехов ослабляет позиции Алариха среди собственного войска. С этой точки зрения стратегия Стилихона была очень эффективна.

Как пишет Клавдиан, Аларих после своих неудач заслужил ненависть и недоверие друзей и соратников (melius mucrone perirent, auferretque mihi luctu leviores sodales victa manus quam laesa fides) [11. P. 98], что, в свою очередь, повлекло за собой опаривание его права быть предводителем. Очевидно, авторитет Алариха как короля базировался на его традиционном облике как удачливого предводителя набегов; провал похода на Италию означал падение этого авторитета и рост конкуренции и соперничества со стороны других представителей готской знати. П. Хизер уверен, что складывание готской общности в этот период сопровождалось серьезнейшей борьбой за власть между выходцами из различных кланов, в частности, такими соперниками Алариха, как Сар и Сегерих [16. P. 58]. Впрочем, Х. Вольфрам в данном случае отстаивает радикально противоположную точку зрения о непрерываемом авторитете Балтов среди готов, основываясь на Иордане [6. С. 220]. Но поскольку никакие иные источники, в том числе аутентичные времени Алариха, не дают оснований для подобной уверенности, а безоглядно доверять Иордану неразумно, более адекватной следует считать позицию П. Хизера.

Аларих, провозглашая себя готским королем, опирался на традиционные родовые институты и мировоззрение. Следовательно, авторитет и власть Алариха закономерно оказались в зависимости от его военных успехов. Уход от него в стан противника многих отрядов, столь впечатливший Клавдиана, что тот представляет Алариха в параноидальном страхе, окруженного предателями (видимо, в этом Клавдиан следует римской историографической традиции образа проигравшего узурпатора), по всей видимости, был закономерным явлением как для Алариха, так и для Стилихона, полуварвара по происхождению, знакомого с этой особенностью варварского мышления. В свете этого понятно, почему Стилихон предпочитал лишь обозначать свое превосходство над Аларихом в осторожных столкновениях и выжидать, зная, что каждый день ослаблял влияние Алариха и прибавлял авторитет ему самому. Сам Аларих после Вероны так-

же убедился в своей неспособности вынудить Стилихона на уступки и, очевидно, заключил договор на условиях последнего.

Как свидетельствует Клавдиан, влияние Алариха среди его войска было еще достаточно велико, чтобы сохранить часть отрядов, с которыми вождь отступил обратно в Иллирию. Возможно, это было одним из пунктов соглашения со Стилихоном. Т.С. Бернс считает, что Стилихон назначил Алариха комитом – comes rei militaris – но не magister militum, чего тот добивался [4. P. 181]. Это серьезное падение статуса для Алариха и, соответственно, его влияния в провинции. Иллирия осталась спорной территорией, буфером между частями империи, Западом и Востоком. В этом контексте возможно, что Стилихон использовал силы Алариха как заслон против Константинополя, так же, как в свое время сделал Евтропий по отношению к нему самому. Однако при этом Стилихон понизил ранг Алариха в римской иерархии, чтобы лишить его возможности свободно использовать ресурсы Иллирии для укрепления своих войск.

Выводы

Аларих – одна из наиболее заметных фигур варварских полководцев на службе Рима, и при этом фигура разменная и проходная для внутренней имперской политики. Стремясь к автономности и одновременно пытаясь сохранить место в структуре имперского командования, Аларих оказался в очень противоречивой и очень сложной для себя ситуации. Римляне видели в нем и варвара, и имперского командующего. Главную роль в этом играла варварская идентичность его самого и его людей, сохраняя которую, они были вынуждены действовать в рамках системы определенных принципов и норм. Соревнуясь во взаимных попытках превзойти друг друга, правительства и Востока, и Запада решали свои сиюминутные проблемы за счет использования про- и антиварварских настроений и жонглирования варварскими войсковыми группировками. Агрессивность последних являлась реакцией на подобное отношение, в условиях которого интеграция варваров в имперскую систему могла быть только поверхностной и показушной. По сути, она была невыгодна для имперской политики. Неопределенность статуса войска Алариха в 399–402 гг. является показательным примером этого. И хотя Аларих, после нескольких взаимных проб сил, нашел общий язык со Стилихоном, который также являлся варваром по происхождению, это не изменило общий тренд. Своими действиями Аларих способствовал демонизации образа варвара в общественном сознании империи, что послужило одной из причин еще больших проблем в отношениях римлян и варваров в скором будущем.

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коньков Д.С. Готы и империя: восстание Гайны как кризис идентичности // Известия Томского политехнического университета – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 245–249.
2. Synesius. On Imperial Rule, 15. URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_monarchy_15.html (дата обращения: 19.01.2013).
3. Cameron A., Long J., Sherry L. Barbarians and politics at the Court of Arcadius. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993. – 441 p.
4. Burns T.S. Barbarians within the Gates of Rome. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994. – 419 p.
5. Зосим. Новая история. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 353 с.
6. Вольфрам Х. Готы. – СПб.: Ювента, 2003. – 654 с.
7. Heather P. The Goths. – Oxford; Cambridge: Wiley-Blackwell, 1998. – 358 p.
8. Kulikowski M. Rome's Gothic Wars: from the third century to Alaric. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 238 p.
9. Blockley R.C. The Dynasty of Theodosius // The Cambridge Ancient History. V. 13. The Late Empire, A.D. 337–425. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 905 p.
10. Treadgold W.T. A History of the Byzantine State and Society. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 1019 p.
11. Claudian. V. II. – Harvard: Harvard University Press, 1998. – 420 p.
12. The Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus // Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories. – New York: Christian Literature Publishing Co., 1886. – 1045 p.
13. Орозий П. История против язычников. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. – 544 с.
14. Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» // Церковные историки IV–V веков. – М.: Росспэн, 2007. – 621 с.
15. Maenchen-Helfen O. The world of the Huns: studies in their history and culture. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1973. – 602 p.
16. Heather P. The Creation of the Visigoths // The Visigoths from the migration period to the seventh century. – Woodbridge; Rochester: Boydell & Brewer Ltd, 2003. – 563 p.

Поступила 17.04.2013 г.

UDC 94(430)01

ALARIC BETWEEN THE EAST AND THE WEST: SEARCHING FOR THE PLACE IN THE EMPIRE (399–402)

D.S. Konkov

Tomsk State University
E-mail: dkonkov@mail.ru

The paper considers the events of 400–402 in Roman Empire related to the name of the leader of Gothic military formations of Alaric. The data of the sources and the main view points of the researchers of this period were analyzed in terms of interaction of Rome and barbarian communities, the search for barbarian proper place in the empire. Conflict of interests of different political fractions of Roman elite made it difficult for barbarian to adapt in to empire structure on social and mental level; this conflict made the official ideological and logistic discourse unpredictably uncertain and inconsistent. Alaric tried to act parallel in Roman and barbarian discursive space manipulating them in his interest. However he did not succeed in implementing the strategy. This fact explains inconsistency of barbarian integration into empire structure.

Key words:

Integrative social processes, Goths, barbarians, federate, East Roman empire, West Roman empire, Stilicho, Alaric.

REFERENCES

1. Konkov D.S. Goty i imperiya: vosstanie Gayny kak krizis identichnosti [The Goths and the Empire: Gainas' Uprising as Crisis of Identity]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 245–249.
2. Synesius. On Imperial Rule, 15. Available at: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_monarchy_15.html (accessed 19 January 2013).
3. Cameron A., Long J., Sherry L. *Barbarians and politics at the Court of Arcadius*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1993. 441 p.
4. Burns T.S. *Barbarians within the Gates of Rome*. Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 1994. 419 p.
5. Zosimus. *Novaya istoriya* [New History]. Belgorod, Belgorod State University Press, 2010. 353 p.
6. Wolfram H. *Goty* [The Goths]. St-Petersburg, Yuventa, 2003. 654 p.
7. Heather P. *The Goths*. Oxford; Cambridge, Wiley-Blackwell, 1998. 358 p.
8. Kulikowski M. *Rome's Gothic Wars: from the third century to Alaric*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 238 p.
9. Blockley R.C. The Dynasty of Theodosius. *The Cambridge Ancient History. Vol. 13. The Late Empire, A.D. 337–425*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 905 p.
10. Treadgold W.T. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford, Stanford University Press, 1997. 1019 p.
11. Claudian. Vol. II. Harvard, Harvard University Press, 1998. 420 p.
12. The Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus. *Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories*. New York, Christian Literature Publishing Co., 1886. 1045 p.
13. Orosius P. *Istoriya protiv yazychnikov* [History versus Pagans]. St-Petersburg, Oleg Abyshko's Press, 2004. 544 p.
14. Filostorgiy. Sokrashchenie «Tserkovnoy istorii» [Philostorgius. Epitome of the Ecclesiastical History]. *Tserkovnye istorii IV–V vekov* [Historians of the Church in IV–V centuries]. Moscow, Rosspen, 2007. 621 p.
15. Maenchen-Helfen O. *The world of the Huns: studies in their history and culture*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1973. 602 p.
16. Heather P. The Creation of the Visigoths. *The Visigoths from the migration period to the seventh century*. Woodbridge; Rochester, Boydell & Brewer Ltd, 2003. 563 p.